

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

**ЦЕРКОВЬ
И
РОССИЯ**

YMCA - PRESS

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

ТРИ ЛЕКЦИИ

**СОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ УСПЕХАМ РУССКОГО
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПОРЯДКА**

ДОБРЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

**ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ
ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА**

YMCA — PRESS
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
Paris 5 e

Copyright by YMCA-PRESS, PARIS
1969

Общепризнанный мастер русской исторической науки наряду с Карамзиным, Соловьевым и Платоновым, В. О. Ключевский (1841-1911) происходил из бедной семьи родового сельского духовенства: прадед его был дьячком, дед — дьяконом, отец — священником. В. О. Ключевский учился в Пензенской Духовной Семинарии, но из неё перешел не в Духовную Академию, а на историко-филологический Факультет Московского Университета.

Отказавшись от духовного поприща, В. О. Ключевский остался православным и до конца дней своих исповедовал «великую истину Христа» (дневниковая запись от 13 октября 1907 г.), хотя и относился сурово к ее историческим проявлениям. С 1871 по 1907, помимо Московского Университета, Ключевский читал лекции по гражданской истории и в Московской Духовной Академии.

Предлагаемые три публичные лекции В. О. Ключевского объединены общностью темы: содействие Церкви и ее отдельных представителей в созидании морального и политического облика русского государства. В них В. О. Ключевский несколько отступа-

ет от своего обычного критического подхода к историческим фактам и дает волю своим заветным убеждениям и верованиям.

В свое время напечатанные в повременных изданиях и во втором (посмертном) собрании статей, эти три лекции, в силу их положительной религиозности, были исключены из восьмитомного издания сочинений Ключевского, осуществленного в Москве, в 1959 г. Объединяются они впервые. Общее заглавие сборника дано нами. Приносим нашу глубокую признательность Свято-Серафимовскому Фонду в Нью-Йорке, благодаря помощи которого мы могли осуществить это издание.

Н.С.

СОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ УСПЕХАМ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПОРЯДКА

Очередь беседы с почтившими своим присутствием годичный праздник нашей академии дошла до меня в такой год, который сам настойчиво подсказывает мне предмет этой беседы. В нынешнем году, следуя показанию нашей древней летописи, русский народ праздновал 900-летие своего крещения. О чем вспоминали мы, празднуя годовщину этого события? О том, как св. Владимир, блюститель гражданского порядка в Русской земле, положил в ней основания порядка церковного. Историк отечественной Церкви, начиная с этого события, повествует, как с той поры гражданская, государственная власть на Руси содействовала успехам Русской Церкви. Я имею честь преподавать с духовно-академической кафедры гражданскую историю России, как вспомога-

Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной Академии 1 октября 1888 г. (Напечатано в **Творениях св. Отцов**. 1888 г., IV).

ный предмет к изучению истории Русской Церкви. О чем всего лучше обратиться мне к вам с беседой, как не о том, чем платила Русская Церковь за это содействие, что сделала она для устройства гражданского порядка в Русской земле?

Надеюсь, я никого не введу в недоумение этим вопросом, не заставлю думать, будто я хочу говорить о вмешательстве Церкви в гражданские, политические дела. Известно, что воздержание от такого вмешательства — историческая особенность и политическое правило православной церкви: **Б о ж и я Б о г о - в и , К е с а р е в о К е с а р е в и .**

Церковь действует на особом поприще, отличном от поля деятельности государства. У нее своя территория — это верующая совесть, своя политика — оборона этой совести от греховных влечений. Но, воспитывая верующего для грядущего града, она постепенно обновляет и перестраивает и град, **зде пребывающий.** Эта перестройка гражданского общежития под действием Церкви — таинственный и поучительный процесс в жизни христианских обществ.

Церковный историк редко находит случай и повод бросить взгляд на эту работу, глубоко сокрытую под покровом явлений, далеких от главного предмета его наблюдений. Он наблюдает верующего в кругу его религиозных обязанностей и отношений и выпускает его из вида, как скоро он выходит из непосредственного действия Церкви и, как гражданин, погружается в бурливый поток гражданских интересов и отношений. Наблюдателю этих интересов и отношений не раз и приходится встречаться с явлениями, перед которыми он останавливается в раздумье. Он

видит источники этих интересов, пружины, коими движется механизм гражданского общежития. То обыкновенно мутные источники, жесткие, железные рычаги : черствый эгоизм, слепой инстинкт, суровый закон, обуздывающий порывы того и другого. И среди стукотни этого механизма вдруг послышится наблюдателю звук совсем иного порядка, запавший в житейскую разноголосицу откуда-то сверху, точно звон колокола, раздавшийся среди рыночной суматохи. В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, — и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе. Вот перед нами духовная одной древне-русской завещательницы, именитой и богатой госпожи. Все она припомнила и записала в завещании, кому сколько должна, кто ей сколько должен и кому что должно достаться из ее имущества. Это, очевидно, заботливая и памятливая хозяйка, и предчувствие смерти не помutilo ее скопидомной памяти. Угасающим взглядом окинула она весь свой житейский багаж, припомнила и свои сундуки с платьем и свою кухню и дошла до своей многолюдной крепостной дворни. Юридически это для нее такие же вещи, как и ее телогрейка, с той разве разницей, что последняя ближе к сердцу и потому дороже, бережнее хранилась. Читая духовную, ждешь, кому она откажет своих « роб и холопов ». « А людей моих, пишет за-

вещательница, после моего живота всех отпустить на свободу, все божии и царевы государевы люди, и из остаточных денег дать моим людям, мужичкам и женочкам, почему пригоже дати, а не оскорбити, чтобы людцы мои после меня не пошли с моего двора и не заплакали ». Или вот бедный человек занял деньги у капиталиста от Николина дня вешнего такого-то года до того же Николина дня следующего года и в заемной кабале пишет, что занял их без росту, что заимодавец, помня евангельскую заповедь и имея в сердце своем страх Божий, росту с него не взял ничего. Легко понять, чье влияние делало из предсмертного завещания владелицы крепостных душ трактат о равенстве людей перед Богом и государем и долговое обязательство превращало в благотворительный акт, заставляя ростовщика отказываться от своих узаконенных тогда 20 % годовых. Личный интерес часто побуждал древне-русского человека протягивать руку на то, чего не признавало за ним право, а евангельская заповедь внушала ему добровольный отказ и от признанного за ним права, и этой борьбой евангельской заповеди с личным интересом строилось сносное гражданское общежитие, в котором право, страж законного личного интереса, часто становилось послушным орудием евангельского самопожертвования.

Всякий, кто изучал историю нашего гражданского порядка, знаком с чувством того высокого нравственного удовлетворения, какое испытываешь, наблюдая, как Церковь делала смерть строительницей человеколюбивого людского общежития и нотариальную контору превращала в притвор храма Божия. В то время, как русский народ праздновал память сво-

его просветителя кн. Владимира, и у нас, скудных числом и скромных исследователей русской гражданской старины, был свой молчаливый товарищеский праздник: мы вспоминали первого виновника этих светлых минут, какие выпадают на нашу долю, когда мы, всматриваясь в старинные памятники наших гражданских учреждений, замечаем на них иногда неожиданно и всегда с отрадой след благотворного влияния церкви, в строе материальных отношений чувствуем присутствие нравственного начала. Это начало принес он, князь Владимир, как он же завел и первую аудиторию на Руси, когда велел отбирать у знатных людей «молодые дети» и отдавать их «на учение книжное». Эти «молодые дети», отданные учиться грамоте, были ваши, господа студенты, предшественники, первые студенты духовно-учебных заведений и первые ученые в русской земле, ибо летопись прямо замечает о них: «и навыкаху скоро по Божию строю, и бысть от сих множество мудрых философов» 1). Эти мудрые философы стали потом русскими пастырями и наставниками русского юношества, какими со временем станете и вы.

Один из упомянутых скромных исследователей просит теперь вашего благосклонного внимания. Он не думает изложить перед вами ученое исследование о многообразной деятельности русской Церкви: эту деятельность здесь, в этом высшем богословском учебном заведении, знают несравненно лучше, чем знает он. Нет, он просит позволения только передать несколько впечатлений, — ничего больше, кроме впечатлений, вынесенных им из изучения нашего древ-

1) **Никон.** лет. I, 94.

него гражданского порядка, напомнить, чем этот порядок обязан Церкви, какими путями проникало в него и куда направляло его принесенное ею нравственное начало. Это воспоминание будет нашей поздней академической данью первому христианскому государю Русской земли, память которого мы праздновали в нынешнем году.

Историку гражданского порядка в России часто приходится обращаться к историку церковному за советом и указаниями. К этому вынуждает первого своеобразное положение Церкви в русском государстве в первые века христианской жизни Руси. Тогда Церковь русская ведала многое, что потом вошло в непосредственное ведомство государства. Церковь и тогда не вмешивалась в дела государства; но само государство вовлекало ее в свои дела, еще не умея справиться со многими из них. Церковная иерархия и в Византии не была замкнута в кругу дел чисто духовных : сверх участия в управлении и суде, она помогала государству в устройстве благотворительности, в защите слабых и угнетаемых, в поддержании общественного благочиния и семейного благонравия. Духовенство принесло в Россию первые понятия о таких учреждениях и отношениях; ни правительство, ни общество в ново-просвещенной стране не умело взяться за них; но, судя по летописному рассказу о благотворительной деятельности князя Владимира, можно думать, что, по крайней мере, правительство очень скоро поняло их важность для общественного порядка. Основания и правила для устройства таких дел и отношений духовенство указывало в принесенных им уставах, которые в глазах всех русских христиан имели непреложную каноническую силу или нрав-

ственную обязательность. Местному законодательству предстояло только применять эти основания и правила к уровню развития и к потребностям местного общества. Эту работу с необходимыми для нее законодательными полномочиями местная государственная власть и возложила на церковную иерархию, заранее дав ей согласие на те учредительные меры, принять которые она найдет необходимым. Так церковная иерархия явилась ближайшей сотрудницей правительства в устройении государственного порядка и вместе с широкой юрисдикцией получила законодательную власть в установлении некоторых гражданских отношений. Эта законодательная деятельность иерархии по государственному поручению должна была состоять в переработке и применении к условиям русской жизни византийских узаконений, принесенных на Русь духовенством вместе с Номоканоном. В древних памятниках русского права сохранилось любопытное указание на побуждения и самую форму такого законодательного поручения. В тридцатых годах XII в. внук Мономаха, Всеволод Мстиславич, княживший в Новгороде, дал ему церковный устав, который представляет собою повторение и некоторое развитие старого церковного устава св. Владимира. В приписке к уставу князь затрагивает важный тогда вопрос об отношении к наследству отца детей от запрещенного третьего и четвертого брака. Уставодатель пишет, что он сам разбирал тяжбы о наследстве детей от первой жены с их матерью, третьей или четвертой женой их отца, и ее детьми, и решал такие тяжбы «заповедми по преданию св. отец», т. е. по узаконениям, содержащимся в Номоканоне. Из слов князя видно, что он решал та-

кие тяжбы согласно с духом, но не вполне с буквой византийского императорского законодательства, применяясь к русским понятиям и нравам. Князь, однако, думал, что не его дело решать такие тяжбы, и прибавил в приписке заявление о всех судебных делах такого рода : « а то все приказах епископу управливати, смотря в Номоканон, а мы сие с своей души сводим ». Совесть князя тяготилась сомнением, в праве ли он решать такие дела, требующие канонического разума, и он обращается к церковной власти с решительным призывом : снимите с моей души нравственную ответственность за такие дела, которые вы разумеете лучше меня, и делайте их сами по своему разумению, соображаясь с Номоканоном и с нашими нравами. Но соображать византийский закон с русской действительностью значило перерабатывать тот и другую, внося заимствованное юридическое начало в туземное отношение, т. е. значило создавать новый закон ; такая законодательная работа и возлагалась на церковную иерархию.

Как иерархия исполнила возложенное на нее поручение и какие средства призвала она на помощь для его исполнения? Это — вопрос об источниках права, из которых она черпала, и о способе их практической разработки, о приемах их применения к русской действительности. Чтоб ответить на вопрос об источниках, надобно узнать, что было пригодного для этой работы под руками первых русских иерархов, которым пришлось за нее приняться. Отвечая на вопрос о приемах, следует обратиться к памятникам дальнейшего времени, несомненно отразившим в себе русскую действительность, и поискать в них следов влияния тех источников права, из кото-

рых черпали пригодный материал первые церковные устроители русского гражданского порядка.

Профессор А. С. Павлов, один из лучших знатоков канонического права в современной Европе, путем усиленных разысканий и остроумных соображений распутал самый трудный узел вопроса о первоначальном славяно-русском Номоканоне, которым руководствовалась Церковь, устроаясь на Руси. Оказалось, что у нас издавна был известен Номоканон константинопольского патриарха VI в. Иоанна Схоластика в болгарской редакции и в переводе, приписываемом славянскому первоучителю св. Мефодию, но что в первые века христианской жизни Руси в нашей церковной практике гораздо употребительнее был Номоканон другого состава (в XIV титулах), — тот Номоканон, который в IX в. был дополнен патриархом Фотием и получил название *Фотиева*. Еще в XVI в. нашим книжникам были известны списки этого Номоканона, писанные один при вел. кн. Изяславе Ярославиче во второй половине XI века, а другой еще раньше, при самом Ярославе и новгородском епископе Иоакиме, по всей вероятности в Новгороде, когда там сидел Ярослав наместником своего отца, значит — не более 30 лет спустя после крещения св. Владимира. Профессор Павлов допускает даже не лишнюю вероятности догадку, что содержащийся в этом списке Номоканон и переведен был по воле того же Ярослава, ревнителя церковных уставов, который дал монастырям и святителям «оправдания судом с греческого Номоканона». Может быть, потому и Номоканону этого состава в древней Руси усвоили иногда название *Ярославова*. Названному ученому удалось най-

ти в московской синодальной библиотеке список Кормчей XII-XIII века того же состава, еще без Фотиевых дополнений, и в том самом переводе, какой наши книжники XVI в. встречали в русских списках Номоканона XI века 1). Так нам открывается возможность подойти к основному церковно-юридическому источнику, из которого преимущественно черпали пригодный материал первые строители русского порядка церковного и тех частей гражданского, устройство которых было возложено на церковную иерархию.

В составе этой Кормчей для нас всего важнее то, что среди дополнительных статей к своду церковных правил помещались целиком или в отрывках два византийские кодекса: Эклога, т. е. Выборка законов, сделанная в VIII в. при императоре-иконоборце Льве Исаврянине, и Прохирон Василия Македонянина, православного императора IX века; а по болгарской редакции Номоканона патриарха Иоанна Схоластика Русь познакомилась с болгарской компиляцией, составленной по различным источникам византийского права, преимущественно по той же Эклоге, и носящей название Закона судного людем или Судебника царя Константина. Эти три пришлые памятника и принимали наиболее заметное участие в переработке туземного русского права и гражданского порядка, к которой приступила церковная иерархия по поручению государства.

Эклога и Прохирон — типические образчики византийской кодификации, воспитанной на об-

1) А. Павлов, **Первоначальный славяно-русский Номоканон**. Казань. 1869.

разцовых произведениях римских юристов Гая, Ульпиана и друг. Не думайте, что это — кодексы или своды законов в современном значении этих терминов. Это — скорее произведения законовведения, чем произведения законодательства, более юридические учебники, чем уложения. Они рассчитаны не столько на судебную камеру, сколько на юридическую аудиторию. Я не знаю, удобно ли было по ним производить суд; но несомненно, по ним очень легко преподавать и олонго ειαεεεε εοεεε εοεεε εεεεε(Ο πρόχειρος νόμος буквально значит ручной закон, руководство, приспособленное к легчайшему познанию законов. Читая тот или другой титул этих кодексов, разбитый на известное количество глав или параграфов, чувствуешь, как будто читаешь конспект лекции из курса гражданского правоведения. С таким характером обоих кодексов тесно связан и самый план, по которому они построены. Это, собственно, своды гражданского права; одинокие титулы, излагающие постановления права уголовного, являются в них механическими приставками. Титулы гражданского права расположены в кодексах в порядке житейской последовательности юридических отношений: это, если можно так выразиться, юридическая биография человека, как гражданина, носителя гражданского права. Наше юридическое бытиё начинается раньше физического: оно начинается первым узлом того союза, который произвел каждого из нас, т. е. брачным договором родителей. Такой план особенно явственно выступает в порядке титулов Прохирона; он прямо и обозначен в этом кодексе, вступление к которому оканчивается словами: « настоящая книга начинается с того, чем и естество наше приемлет свое нача-

ло » 1). Начав титулами о брачном сговоре, о заключении и расторжении брака, Прохирон продолжает изложением многообразных имущественных сделок, входящих в состав гражданского оборота, титулами о дарениях, о купле и продаже, о займе, найме и проч. и заканчивает изложением порядка наследования со всеми примыкающими к нему отношениями, в которых прямо или косвенно выражается последняя воля человека на земле.

Теперь представьте себе впечатления, какие должен был выносить из изучения таких кодексов и потом вносить в свою деятельность русский духовный пастырь, призванный в меру своих иерархических полномочий содействовать устройению гражданского порядка в новопросвещенном отечестве. Очень вероятно, что он с трудом усвоил себе установления греко-римского права, чуждые русскому, не сразу мог понять юридическое существо сговорного задатка и предбрачных даров, эмфитевзиса или депозита и постигнуть разницу между подвластным и эмансипированным сыном, между завещанием и отказом (*legatum*) или между кодициллом и завещанием. Но без особенного напряжения можно было освоиться с формой и духом византийской кодификации. До тех пор на Руси понимали закон, как стародавний обычай, и едва начинали понимать его, как распоряжение власти, вызванное частным случаем. Кормчая принесла на Русь первые образцы связного уложения, построенного не на пережившем себя обычае или

1) Τῆς μέντοιγε παρούσης πραγματείας ἀρχὴ τέθεται, ὅπουθεν καὶ ἡ καθ' ἡμᾶς φύσις τὴν ἀρχὴν εἴληφεν.

случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии известных юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. С тех пор начались и у нас опыты составления по разным отраслям действовавшего права кратких сводов, подобных тем, какие так любила и так умела составлять греко-римская юриспруденция. Разные редакции Русской Правды и церковных уставов св. Владимира и Ярослава, церковные уставы их потомков, князей XII века, — все это были ранние подражания синоптической византийской кодификации, или прямо вышедшие из среды духовенства, или принятые под влиянием и при содействии церковных законовевов. Разумеется, эти опыты далеко отставали от своих образцов как в кодификационной технике, так и в выработке юридических начал. Но они будили юридическую мысль, отрывая ее от непосредственных явлений, приучая подбирать однородные юридические случаи и из них извлекать общие правила, юридические нормы. Не ускользнула от русских законовевов и одна внутренняя особенность византийского законодательства. Оно стояло под двойным влиянием римской юриспруденции и христианской проповеди: первая внесла в нее прием юридического трактата: вторая — прием религиозно-нравственного назидания. Оба приема сливаются у византийского законодателя в склонность оправдывать, мотивировать закон. Мотивы очень разнообразны: ими служат как психологические и нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты; иногда прямо цитируется Св. Писание 1). В ти-

1) См. наприм. в *Эклоге* тит. II, гл. 6 и 7. *Zachariae Coll. libr. juris graeco-romani inedit.* 18.

туле о дарениях между мужем и женой Прохирон гласит, что такие дарения не имеют юридической силы, и спешит обозначить причины этого: связующую мужа и жену любовь, устранение повода к разводу с той или другой стороны, не получающей дарения, и предупреждение обогащения одной стороны за счет другой. Ни крестный отец, ни его сын не могут жениться — первый — на своей крестнице, второй — на отцовой, ни на ее матери, ни на ее дочери. Почему? Крестница, поясняет тот же кодекс, становится как бы настоящей дочерью своего восприемника (ὡς δῆθεν θυγατέρα αὐτοῦ γενομένην «ибо ничто так не может вызвать отеческое расположение и следовательно создать законное препятствие к браку, как союз, в котором души связуются Божиим посредством»). Иная статья Прохирона вся содержит в себе не самый закон, а только основание закона. Так, перечню запрещенных браков между лицами, не состоящими в кровном родстве, он предпосылает общее правило: «при заключении брака мы должны соображать не только то, дозволен ли он, но и то, благопристойен ли он 1). А иногда законодатель, объясняя закон, простым и остроумным соображением закрепляет какую-нибудь очень тонкую и трудноуловимую связь государственного порядка. В числе случаев, делающих завещание недействительным, Прохирон ставит и тот, когда завещатель, ведя с кем-либо тяжбу, назначит царя своим наследником, если только наследство не следует царю и помимо завещания на каком-либо законном основании: хотя цари, поясняет законодатель, не подчинены законам

1) *Proch.* t. X, c. 1; t. VII, c. 28 et 16.

наравне с подданными, они все-таки живут по законам 1). Такая склонность мотивировать закон способна произвести впечатление и на современного человека, привыкшего ко вразумительному, хотя и неразговорчивому закону, который повелевает не рассуждая, хотя и дает понять, почему он так повелевает. Тем сильнее должна была подействовать эта особенность византийского законодательства на русского человека XI-XII века, видевшего в законе не обдуманную необходимость, а не допускающую рассуждения угрозу. Это действие усиливалось еще самой композицией доступных Руси византийских кодексов, которая делала их более способными воспитывать и исправлять понятия о праве, чем указывать способы восстановления нарушенных прав. В ранних опытах русской кодификации можно найти следы такого мотивированного закона, иногда очень просто и открыто вскрывающего свои основания. Одна статья Русской Правды гласит, что холопы за кражу не подлежат пене в пользу князя, «зане суть несвободни». По другой статье заимодавец, давший займа более 3 гривен без свидетелей, терял право иска. Судья обязан был объяснить истцу отказ в иске резолюцией, смысл которой, придерживаясь ее драматической формы, можно передать так: «ну, брат, извини, сам виноват, что так раздобрился, поверил в долг столько денег без свидетелей» 2). Нетрудно угадать, кто был проводником этого приема

1) Ibid t. XXV, с. 4: εἰ γάρ καὶ νόμοις οἱ βασιλεῖς οὐχ ὑποκείνται ἀλλ' οὖν κατὰ νόμους πολιτεύονται.

2) «Промилловался (вар. провиновался) еси, оже еси не ставил послухов».

из византийского законодательства в русскую кодификацию. Древне-русские церковные законодатели и толкователи канонов в своих пастырских посланиях и ответах на канонические вопросы, обращенные к ним со стороны подчиненных им пастырей, не могут шагу ступить, повелительного слова вымолвить, не объяснив, почему они так говорят и поступают. И вот что особенно неожиданно и вместе отрадно: вооружившись приемом, заимствованным из византийского законодательства, они, греки и византийские законоведы, идут против этого византийского законодательства и идут во имя христианской любви и пастырского снисхождения к пасомым. Эклога и Прохирон назначают смертную казнь и жестокие членовредительные наказания за разные преступления. Между прочим они грозят смертью за возврат к язычеству и языческие жертвоприношения, за призывание бесов во вред людям, за колдовство и волшебство, даже за невыдачу пойманного волхва. Митрополит Иоанн II, грек и высший иерарх русской церкви XI века, за упорное жертвенное служение бесам и уклонение от христианского причащения полагает отлучение от Церкви, а за упорство в чародейнии и волхвовании, если не подействует словесное вразумление, определяет телесное наказание, но решительно запрещает при этом уродовать тело и убивать до смерти, прибавляя в оправдание запрета: это противно церковной дисциплине и доктрине 1). Введение мотивированного закона в русское законодательство было смелой попыткой под

1) Русск. Ист. Библ. VI, 4: « не бо принимает сего церковное наказанье и ученье ».

угрозу силой подставить убеждение рассудка, страх перед имущественным ущербом или физической болью заменить чувством порядка или сознанием долга.

Внося мотивированный закон в гражданское законодательство, Церковь этим путем проникала в глубь гражданского общежития, чтобы самые его отношения поставить на нравственном основании. Это было второе, дальнейшее дело Церкви, тесно связанное с первым. На таком основании она стремилась поставить преимущественно те гражданские отношения, сферой которых служит семья, первичный, основной узел гражданского общежития.

Я не думаю рассказывать о том, как Церковь строила русскую семью; такой рассказ составил бы обширный, для меня непосильный трактат, и жаль, что до сих пор в нашей литературе нет такого трактата. Я очень поверхностно коснусь только некоторых частей этой сложной и важной постройки. Христианская семья, — позвольте мне для порядка высказать эту слишком известную истину, — есть двойственный, церковно-гражданский союз: она завязывается гражданским договором и закрепляется церковным таинством. Я отмечу только основные связи, какие внесла Церковь в этот союз, как в гражданскую сделку.

Древне-русская языческая семья отличалась от греко-римской христианской столько же своим нравственным характером, как и юридическим составом. В ней при многоженстве различались жены двух родов, как бы сказать применительно к позднему русско-христианскому семейному языку — венчанные и невенчанные: первые, настоящие, или штат-

ные, назывались водимыми; вторые, добавочные — хотями или меньшицами. Далее, в русской семье челядь, наравне с детьми, повидимому, причислялась к домочадцам; но в ее составе незаметно приемьшей. В состав греко-римской христианской семьи входили и усыновленные дети наравне с родными; зато принадлежность рабов к семье господинна, перестав быть юридическим институтом, превратилась в простое юридическое предание, оставалась обычаем. Обе семьи не были похожи друг на друга и по своему нравственному складу. С этой стороны отличие русской семьи от христианской составляли поглощение ее родовым союзом, безличие и безгласие жены и домочадцев пред мужем, отцом и домовладыкой.

В эту семью Церковь внесла ряд перемен, которые были глубокими переворотами в нашем семейном праве и гражданском порядке. Прежде всего она старалась возможно более высвободить семью из-под гнета родового союза и с этой целью спешила докончить разрушение последнего. Говорю докончить разрушение, ибо оно началось еще до нее. Христианство застало на Руси живые остатки родового союза, например, кровомщение; но оно не застало уже цельности этого союза. Успехи гражданского общежития и особенно постоянное торговое общение Руси с Византией уже разорвали некоторые основные связи этого союза. Одним из существенных признаков его цельности служит отсутствие наследования по завещанию, а из одной статьи Олегова договора видим, что уже за три четверти века до крещения Владимира письменное обряжение (*διαθήκη* — завещание) было господству-

ющей формой наследования, по крайней мере в тех классах русского общества, которые стояли в прямых сношениях с Византией. Построенный на языческих основаниях родовой союз был противен христианской Церкви, и она с первой минуты своего водворения на Руси стала разбивать его, строя из его обломков союз семейный, ею освящаемый. Главным средством для этого служило ей принесенное ею на Русь законодательство о браке, в котором она сделала соответствующие местным условиям изменения. По мысли христианского брака, он не допускается между с о и м и, т. е. между родственниками, не настолько отдаленными друг от друга генеалогически, чтобы перестала чувствоваться родственная связь между ними. Значит, допуская браки между более отдаленными родственниками, Церковь приучала их смотреть друг на друга, как на чужих. Правда, в первое время русская церковная власть очертила очень широкий круг родства, в пределах которого были запрещены брачные союзы. По правилу митрополита Иоанна II, во второй половине XI в., дети четвероюродных братьев или сестер, вступившие в брак между собою, наказывались эпитимией, хотя византийское законодательство допускало такие браки. Может быть, такая строгость русского церковного законодательства была уступкой туземному быту, еще не расставшемуся с чувствами и отношениями широкого языческого родства. Впрочем и митрополит Иоанн преследовал браки четвероюродных братьев и сестер церковным наказанием, но не предписывал их расторгать, как повелевал поступать с браками троюродных. Века два спустя встречаем указания на то, что такие браки допускались безу-

словно, а еще позднее не разводили и троюродных 1). Так Церковь укорочивала языческое родство, обрубая слишком широко раскидывавшиеся его ветви.

Разбивая родовой союз на его составные части, на семьи, Церковь и между членами семьи устанавливала новые нравственные и юридические отношения. С многоженством она справилась, кажется, сравнительно легко, и оно, как обычай, исчезло довольно скоро: при домашнем очаге и законной колыбели из всех водимых осталась только одна, а хотя все были выведены за ограду семьи и удалились в темную область греха. Труднее было приучить соединявшиеся четы к церковному венчанию. Из правил митроп. Иоанна II узнаем, что еще 100 лет спустя после Владимирова крещения только князья и бояре при заключении браков венчались в церкви, а простонародье обходилось без церковного венчания и благословения, довольствуясь «плясанием и гудением», т. е. обрядами языческой свадьбы. Благодаря тому, на Руси, как это ни странно, очень долго существовали жены двух родов: одни назывались венчальными, другие — невенчальными. Церковь, разумеется, не могла признавать законными браки, заключенные вне ее, и против таких браков, называвшихся тайными, одинаково строго вооружались митрополит Иоанн II, его предшественник Георгий в приписываемом ему уставе и позднейшие митрополиты; епархиальные архиереи грозили запрещением служения тем священникам, у которых в приходах окажутся

1) *Proch. t. VII c. 4. Р. Ист. Библ. VI, 12 и 143.*

невенчальные жены 1). Но, не признавая таких браков законными, за ними однако признавали некоторые последствия, если не дозволенных, то, по крайней мере, терпимых союзов. На вопрос сарайского епископа Феогноста о том, может ли быть просвирней невенчальная жена, оставшаяся вдовой и пристойно жившая во вдовстве, константинопольский патриарший собор в 1276 г. отвечал, что может, если она покаялась и имеет требуемый званием преклонный возраст. Еще выразительнее постановление Ярославова устава, которое одинаково преследует расторжение по произволу мужа как венчанного, так и невенчанного брака. Разница только в том, что невенчальная жена ценилась вдвое дешевле: за самовольный развод с невенчальной женой муж платил пеню вдвое меньше, чем за развод с законной.

Всего труднее было поставить в семье женщину, жену и мать, согласно с духом христианской семьи. Здесь предстояло внести право и дисциплину в неуловимые отношения, над которыми царили инстинкт и произвол. Языческий пренебрежительный взгляд на женщину был главной помехой для устроителей христианской семьи на Руси, тем более, что он подчас прикрывался видом церковно-дисциплинарного ригоризма. Один священник в XII в. спрашивал своего епископа: может ли священник служить в одежде, в которую вшит плат женский? За это он был наказан ироническим встречным вопросом: разве женщина погана? В этом коротком диалоге — вся история борьбы церковной иерархии с русским обществом за женщину. Последнее, помня принижение жен-

1) Р. Ист. Библ. VI, 919.

щины в языческой семье, с сомнением спрашивало : не погана ли женщина? Первая, проводя христианский взгляд на семью, правилами и поучениями отвечала : нет, не погана. Не мне доказывать, что христианская семья, как союз гражданский, завязывается обоюдным согласием жениха и невесты и держится на юридическом равенстве и нравственном взаимодействии мужа и жены. Настойчивое проведение такого взгляда на семью в законодательство и в быт я назову великим делом русской иерархии. Прежде всего она решительно вооружилась против языческого обычая Руси заключать браки посредством похищения невест. В Прохироне есть статья, которая гласит, что похититель девицы или вдовы не может жениться на похищенной, хотя бы отец ее на то был согласен 1). На Руси с первой поры ее христианской жизни умычки были подсудны духовенству, и в нашем древнем законодательстве полагалось тяжелое взыскание на похитителя. Надобно думать, что духовенство отказывалось венчать похитителя с похищенной : если похищение покрывалось браком, за что было и наказывать похитителя? Умычку Церковь вытесняла, согласно с византийским законодательством, сговором (*μνηστεία*), который закреплялся обручением. По византийским законам сговор — очень сложный юридический акт, состоявший в тонком сочетании воли жениха и невесты с волей их родителей и сопровождавшийся разнообразными личными и имущественными обязательствами. Не все эти тонкости привились к нашему быту; но церковное законодательство настояло на одном — на нераз-

1) *Proch.* t. VI, с. 27

рывности сговора по произволу жениха. В древнерусских канонических руководствах повторялось катехизически изложенное правило : можно ли венчать жениха, который, обручившись с одной, женится на другой? — нет, нельзя венчать, как нарушителя 7-ой заповеди 1). Противодействуя насильственному заключению брака по односторонней воле жениха, Церковь не позволяла и насильственно разрывать его по произволу мужа. Пренебрежительное отношение к женщине выражалось между прочим в обычае древнерусских мужей освобождаться от наскучивших им жен, принуждая их постригаться в монашество. Многие века церковное законодательство повторяло правило, что развод в таком случае допускается только под условием обоюдного согласия разлучающихся, — все равно, муж или жена отрекается от мира и супружества. Самую выразительную и лаконическую формулу этого правила я нахожу в уставе, приписываемом русскому митрополиту Георгию XI века : « не постригать мужа, если жена не даст ему ножниц ; так же поступать и с женой » 2). Обратите внимание на предусмотрительность церковных законодателей : запрещая жениху разрывать сговор без согласия невесты, они защищают невесту от жениха; запрещая мужу и жене разрывать брак без взаимного согласия, они защищают их друг от друга. Отчего такая разница? — Когда жених бросает невесту, гибнет честь невесты; когда муж бросает жену, гибнет счастье обоих.

Вообще в пастырских поучениях древней Руси

1) Русск. Ист. Библ. VI, 858.

2) Е. Голубинского, Ист. Русской Церкви, I, 515.

проводилась мысль, что в семье все должно делаться по взаимному согласию мужа и жены, « по воле обою », как выразилось одно из них.

Но чтобы превратить жену из рабы мужа в его советницу, надобно было вооружить ее гражданской равноправностью. Это достигалось усвоением ей права собственности: имущественная самостоятельность — необходимое юридическое последствие личной свободы. Памятники византийского права, с которыми знакома была древняя Русь через Кормчую, довольно ясно разделяют имущество жены и мужа. Женино имущество составлялось из предсвадебных даров, приданого и того, что Прохирон называет, « прочим состоянием » жены (ἡ ἄλλη περιουσία); к этому присоединялось по смерти мужа то, что он завещал ей или что выделялось ей из его имущества, как ее законная часть. На эти составные части своего имущества жена имела неодинаковое право, притом изменявшееся вследствие перемен в ее семейном положении. Так законная доля, выделявшаяся вдове, принадлежала ей только на праве пользования, если у нее были дети, и становилась ее полной собственностью, если она оставалась после мужа бездетной. Древнее русское право не было в состоянии усвоить всех тонкостей византийского; но оно уловило основные начала последнего, пользуясь содействием посредника, каким служило русское церковное правительство. Мы, исследователи русской старины, еще спорим о том, когда и под каким влиянием появились в нашем семейном праве раздельность имущества супругов и приданое, находим следы того и другого установления еще до христианства или не замечаем их и долго после. Но несомненно, что Цер-

ковь если не принесла на Русь, то укрепила здесь оба эти института, сообщив им большую юридическую определенность и нравственный смысл. В Русской Правде не находим ясных указаний на приданое; но известно Слово Даниила Заточника, памятник XIII века, отразивший в себе время, очень близкое к Правде, конечно, не вводит в русское семейное право никакой новости одним из своих афоризмов, который гласит, что позор из позоров — женитьба на злообразной жене приписка ради. Приданое — один из признаков раздельности имущества супругов; поддержание и укрепление этой раздельности было делом Церкви, ибо она по уставам первых князей разбирала тяжбы между мужем и женой «о животе», т. е. об имуществе. По крайней мере, она заботливо отстаивала имущественные права женщины. Сохранилось древнее пастырское послание, приписываемое русскому митрополиту XV в. Ионе, к каким-то князьям, обижавшим свою мать-вдову, присвоившим себе ее опричину, т. е. долю, какую выделил ей муж из своего имущества, Строго напомнив обидчикам сыновний долг повиноваться матери, владыка грозит им, в случае дальнейшего непослушания, призвать их епархиального архиерея со многими священниками и, рассудив с ними вину ослушников по божественным правилам, покарать непокорных соборным неблагословением и духовною тягостью церковной, т. е. епитимией 1). Созывать церковный собор, чтобы оградить вдовину опричину от незаконных притязаний, значит признавать ее важным установлением не только граждан-

1) Русск. Ист. Библ. VI, № 130.

ским, но и церковным. Права вдовы на законную долю имущества, оставшегося после мужа, как и на надел, данный ей последним при жизни, настойчиво выражены уже в Русской Правде и выражены совершенно согласно с византийским законодательством; даже язык Правды в статьях об этом заметно приближается к техническим выражениям византийских кодексов. Еще строже ограждалась неприкосновенность приданого. Это было преимущественно заботою духовников, действовавших здесь нравственными средствами исповеди. Сохранились древние духовные завещания, в которых мужья, растратившие при жизни приданое своих жен, спешат возместить им эту растрату, чтоб не отвечать за то пред Богом на последнем суде.

Так старалась Церковь упрочить семейное положение жены. Действие ее усилий обнаруживалось, когда жена теряла свою житейскую опору, вдовела. Унося с собой эту опору, муж взамен ее оставлял жене свой отеческий авторитет : советница мужа становилась преемницей его семейной власти. Занимая независимое от детей имущественное положение, она получала опеку над малолетними детьми, пока оставалась вдовой, согласно с византийским законодательством, по которому мать и бабушка призывались к опеке предпочтительно перед всеми лицами, на которые возлагалось это дело по закону 2). Вообще ни в какой отрасли древне-русского права не отразилось так явственно влияние византийского законодательства, как в праве семейном. Этому влиянию приписываю я и введение в наше право института усы-

2) *Proch. t. XXXVI, c. 8.*

новления. Не знаю, удастся ли доказать, что это — самобытное русское юридическое установление. Пока можно только сказать, как его регулировала Церковь. В 1404 г. одна вдова обратилась к митрополиту Киприану с вопросом: как ей быть с приемшем, которого они с мужем приняли, не имея детей, а теперь муж умер без завещания. Митрополит отвечал, что, посмотрев в Номоканон, он нашел там два правила, из коих по одному муж наследует жене, а жена мужу при отсутствии родственников в восходящей или нисходящей линии, а по другому приемши наследует усыновившим его даже при родных детях и в равной с ними доле. На основании этих правил митрополит «рассудил и управил» так: вольна бездетная вдова во всем имуществе своего мужа, и как она хочет, так и распорядится в духовной грамоте своим мужним имуществом; никто не может вмешиваться в ее распоряжение вопреки приведенным законам Номоканона и нашему определению, прибавляет владыка в заключение своего властного решения. Оба закона, выписанные Киприаном из Номоканона, суть постановления византийского законодательства, и один из них приведен почти в дословном переводе одной статьи Прохирона 1). Изложенный случай — один из редких и выразительнейших образчиков той законодательной деятельности, посредством которой церковная иерархия, помимо государственного законодательства, хотя и по поручению государственной власти, достроивала или перестраивала русский гражданский порядок с византийским Номоканоном в руке, пополняя и исправляя туземное

1) Р. Ист. Библ. № 31. Ср. *Proch.* t. XXX, с. 19.

право путем практического разрешения частных житейских случаев, подобно тому, как древний набожный художник терпеливым и обдуманым подбором мелких камешков выкладывал мозаическое изображение священного лица или события.

Но, обеспечивая положение жены и вдовы, Церковь требовала, чтобы она и по смерти мужа оставалась его другом и доброй матерью его и своих детей. Вот почему в древней Руси, как и в Византии, неблагосклонно смотрели на второе замужество, если оставались дети от первого. Нравственно-семейный долг вдовы — строить, поминать душу мужа, и заботиться об оставленных им сиротах. Византийское законодательство лишало значительной доли имущественных прав вдове за вторичное замужество, видя в нем неуважение к памяти первого мужа и пренебрежение к оставшимся после него детям. И наше древнее право предоставляло вдове известные имущественные выгоды под условием, если она сядет по муже, останется вдовой: по Русской Правде только под этим условием ей выделялась законная часть из имущества, оставшегося после мужа, и предоставлялось право полной собственности на то, чем сам муж наделял ее при жизни (о п р и ч и н а). Лишение этих выгод за вступление вдовы во второй брак оправдывалось таким энергическим выражением: « обругала убо первого мужа вторым браком » 1).

1) Это довольно близкий перевод выражения Прохирона (VI, 2), встречаемый в одной древне-русской компиляции византийских законов, в статье, составленной по византийским источникам, но приновленной к русским понятиям и отношениям. А. С. Павлова, **Книги законные**, стр. 26 и 70.

В древней Руси не был господствующим взгляд на вдов, высказанный вольным князем XIII в. Владимиром Васильковичем. Заботливо устроив материальное положение княгини-жены на случай своей смерти, назначив ей нескучную опричнину, завещатель прибавил в заключение духовной: «Захочет моя княгиня после меня пойти в монастырь, пусть идет, а не захочет — ее воля: не вставать же мне из могилы, чтобы смотреть, кто что будет делать после моей смерти» 2). Зато на добрую вдову целиком переносился отеческий авторитет ее мужа. Читая духовные грамоты древних московских великих князей, мы видим, как это значение вдовы-матери из частного общежития проникало в политический порядок. В завещании Димитрия Донского читаем такое наставление отца детям: «вы, дети мои, матери своей слушайте во всем, из воли ее не выступайте ни в чем». Преемник Димитрия, вел. кн. Василий в свою очередь пишет в духовной своему преемнику: «приказываю своего сына, кн. Василья, своей княгине, а ты, сын мой, чти мать свою и слушай своей матери в мое место своего отца». Гражданскую правоспособность и материнский авторитет женщины Церковь строила на ее нравственном совершенстве и высоте ее семейного долга, и если русская женщина разберется в своем юридическом и нравственном имуществе, которым она живет, как жена, как мать и гражданка, — она увидит, что всем, чем наиболее дорожит в ней общество и что в ней наиболее дорого ей самой, — всей своей исторической опричиной она обязана преимущественно Церкви, ее проповеди, ее законода-

2) Ипат. Лет., по изд. 1871 г. стр. 595.

тельству. Это — мое историческое убеждение, а не удастся оправдать его историческими документами, оно превратится в мое верование.

Я успел уж утомить вас, не сумев указать многого, что сделала Церковь для гражданского порядка в России. Вы позволите мне, по крайней мере, вскользь напомнить еще об одном ее деле. Исполняя поручение государства, она своим законодательством преимущественно пополняла пробелы государственного закона. Но в русском праве были установления чрезвычайно прочные, тщательно разработанные если не законодательством, то практикой житейских отношений и чрезвычайно противные Церкви. Таковы были ростовщичество и холопство. Не имея законодательного оружия против этих признанных законом установлений, легко превращавшихся в злоупотребления и разрушавших гражданское общежитие, Церковь направила против них косвенные средства, находившиеся в ее распоряжении: проповедь и исповедь. Трудно найти древнерусское церковное поучение, в котором не было бы резкого порицания ростовщика и рабовладельца. Ростовщик — кровопийца, рабовладелец жестокий — разбойник, не достойны св. причастия ни тот, ни другой — вот к чему сводилась церковная проповедь, боровшаяся с этими недугами русского общества. Наперекор гражданскому закону, который предоставлял господину полную власть над холопом, позволял даже убить его, Церковь карала строгими духовными наказаниями за жестокое обращение с челядью и даже нарушала в ее пользу равенство нравственной ответственности за грех, уменьшая для рабов церковные наказания или даже прощая их духовные вины. Церковная пропо-

ведь гласная, как и тайная, оставила заметные следы в древнерусском праве, в законодательстве о росте и холопстве. Отмечу немногие из них.

В Русской Правде есть статья, которая устанавливает законный размер годового роста — на два третий, т. е. 50 %. При Владимире Мономахе действие этой статьи было ограничено : постановлено было допускать взимание такого роста только дважды, т. е. в течение двух лет, пока взятый рост не сравнится с долгом, после чего заимодавец сохранял право только на занятой капитал; если он брал такой рост в третий раз, он терял право требовать уплаты самого долга. Чем и откуда внушено было такое постановление? Я думаю, что его прямым или косвенным источником служили статьи Прохирона, который, с отвращением отвергая рост, как установление, противное божественному праву, узаконяет, что плоды, полученные заимодавцем от заложенного ему должником имущества, зачитываются в уплату долга и, когда возрастут до размера последнего, обязательство должника уничтожается и заимодавец обязан возвратить ему залог 1). Отношение древнерусской Церкви к холопству — одна из наиболее светлых черт ее деятельности. Явившись на Русь с греко-римским законодательством, в котором рабство отличилось в тяжелый и жесткий институт, она безустанным действием на нравы и понятия, а через них и на местное законодательство, разрушила самое юридическое начало, на котором оно там было построено. По греко-римскому праву рабство неделимо 2), одно-

1) *Proch.* t. XVI, c. 1 et 14.

2) *Ibid.* t. XXXIV, c. 3 : ἐστὶν ἀτομὸς ἢ δουλεία.

образно, не допускает никаких степеней и различий. Древнерусское рабовладельческое право отличалось особенностью, какой, если не ошибаюсь, не было заметно в других рабовладельческих обществах Европы: древнерусское холопство, первоначально так же однообразное и безусловное, постепенно разложилось на многообразные виды ограниченной неволи, и каждый дальнейший вид был юридическим смягчением предыдущего. Главной виновницей этого разложения, облегчившего уничтожение холопства, я признаю Церковь: холопская неволя таяла под действием церковной исповеди и духовного завещания. Рабовладелец добровольно ради спасения души смягчал свои права или даже поступался ими в пользу холопа; личные проявления человеколюбия входили в привычки и нравы, которые потом облекались в юридические нормы 1). Здесь воля частных лиц под действием Церкви становилась орудием исправления закона, побуждая его отказываться от поддержки людских прав, которыми добровольно жертвовали или гнушались сами люди.

Так сделать гражданский закон проводником нравственного начала, построить гражданский союз, в котором закон опирался бы на нравственное чувство и даже им заменялся, наконец, настроить личную волю к отречению от своих законных прав во имя нравственного чувства — вот три дела, которые

1) Попытка проследить влияние Церкви на древнерусское холопство сделана автором в статье: «Подушная подать и отмена холопства в России» (**Русская Мысль** 1886 г., кн. VII).

(**Опыты и исследования**, I Сборник статей В. Ключевского. Москва, 1912).

прежде всего вспомнились мне при воспоминании о деятельности Церкви в устройении русского гражданского права и порядка. Эти три дела по существу своему были работой над правом; однако, недостаточно назвать эту работу юридической. Церковь — не школа правоведения и не кодификационная или законодательная палата. Задачи Церкви и права соприкасаются, но не совпадают. Право охраняет правду в обществе, в отношениях между людьми; Церковь насаждает ее в личной совести, воспитывая в людях чувство долга, превращая право в нравственную привычку. Ее цель — заменить принудительные требования права свободной потребностью в правде, и когда эта цель будет достигнута, когда эта потребность станет достаточно сильной и общей, тогда исчезнет и нужда в самом праве.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА И ГОСУДАРСТВА

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древне-русскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, « еже содеяся в Русской земле », и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу Преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим он объяснил бы нам, как это случи-

Речь на собрании Московской Духовной Академии в память преп. Сергия. Напечатана в **Богословском Вестнике**, 1892 г., XI.

лось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу Преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Еще при жизни Преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменялся в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, бьют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писанием все, что соединилось с памятью Преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и перечувствовано пред его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокого содержания историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочем, если Преп. Сергей доселе остается для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни, то и теперь на их лицах можно прочесть то же, что прочитал бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные

лица из многого множества, в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись с своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уж пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека : когда жил Преподобный Сергей и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? и редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он **есть** для них, далеких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему, каждый ответит твердо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически-известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли

называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя Преподобного Сергия : это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

Какой подвиг так освятил это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала непокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг ; панический ужас одного поколения мог развить-

ся в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа.

Могла ли однако прибавиться такая страница? Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займется ли где заря освобождения. За ними последовали их дети, тревожно наблюдавшие, как многочисленные русские князья холопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться к необычным делам в Русской земле. В то время, как все русские окраины страдали от внешних врагов, маленькое срединное Московское княжество оставалось безопасным, и со всех краев Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. В то же время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, смело, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру все, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при

содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось все это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно неиспытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV в., совершились три знаменательные события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексей; тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий Преподобный Сергей, в дремучем лесу — вот на этом самом месте — поставил маленькую деревянную келлию с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причетника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV в., делая его зарей политического и нравственного возрождения Русской

земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексей навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним задушевный рассказ в житии Преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда оба друга на расстоянии 10 слишком верст обменялись братскими поклонами.

Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV в. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархии величайшим святителем древней Руси митрополитом Петром. Еще в мрачное время татарского ига, когда ни откуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трех наших св. мужей XIV в., воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг, Стефан — новый финско-русский север, а Сергий, сын ростовского боярина-переселенца, великорусскую середину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди сво-

его века; о них древние жизнеописатели замечают, что один « всю грамоту добре умея », другой « всяко писание ветхого и нового завета пройде », третий даже « книги греческие извыче добре ». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трех деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения. Личный долг каждого своим путем вел всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексей шел боевым политическим путем, был преимущественно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой

Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную Чудь, создавала из нее новую Русь, св. Стефан пошел с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим починком две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа : это — сосредоточение династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточно-европейских и азиатских инородцев к Русской Церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить ваварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь Преподобный Сергей. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; Преподобный Сергей и вышел на свое дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применять к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединени-

ем, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха; как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новика, возводя его со степени на степень иноческого искусства, указывал дело всякому по силам, ночью, дозором ходил мимо келлий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. Читая эти рассказы, видишь пред собою практическую школу благодетеля, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к це-

лям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников Преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали уменье тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства, — то уменье, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV века, кн. Олег Иванович рязанский, когда по просьбе великого князя московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее по современным свидетельствам глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами **прииди и виждь**, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре Преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель Преподобного Сергия повидать прославлен-

ного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско»; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя: случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собою и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делает свое дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и всплшек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV в. Таких людей была капля в море православ-

ного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав : **Царство Божие подобно закваске.** Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения Русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело Преподобный Сергий в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, — никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем

Преподобного Сергия. Один из этих фактов — великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой — целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что Преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» — и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего в глазах Преподобного Сергия и вместе с князем Дмитрием Донским бившегося на Куликовом поле.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое Преп. Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет 1240-1340 гг. возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340-1440 гг., когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из

куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества; стремление покидать мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных. Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает самая идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времени Преп. Сергия. До половины XIV в. почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в лесной глухой пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества, в борьбе с недостатками духовной природы человека, присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, эта вторая цель стала новым средством для достижения первой.

Преподобный Сергий со своею обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси», как называет его летописец. Колонии Сергиевской обители, монастыри, основанные учениками Преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых

монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри подобно своей митрополии. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам. До половины XIV в. масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юговосток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой непроходимый край, кой-где занятый дикарями финнами; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. « Много было тогда некрещеных людей за Волгой », т. е. мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV в. возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского заволжья : этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории Русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации : монастырь служил для переселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконец приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее

население, как корнями деревьев сцепляется зыбу-чая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхне-волжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество Преподобный Сергий.

Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом.

Время давно сваяло эти дела с народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе парит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками неврединно стоит на поверхности земли. Чем дорога народу эта память, что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах, языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда. Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, изведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить

его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения — вот в чем состояло это впечатление. Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна. Так думали тогда все на Руси и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказу Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал : **како может в сих странах таков светильник явиться?** Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во **тьме и сени смертной**, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нрав-

ственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни. Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание.

Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятнями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятнями срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Благотворительность — вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают. Спросите, что значит делать добро ближнему, и возможно, что получите столько же ответов, сколько у вас собеседников. Но поставьте их прямо пред несчастным случаем, пред страдающим человеком с вопросом, что делать — и все будут готовы помочь, кто чем может. Чувство сострадания так просто и непосредственно, что хочется помочь даже тогда, когда страдающий не просит о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна или опасна, когда он может злоупотребить ею. На досуге можно размышлять и спорить об условиях правительственных ссуд нуждающимся, об организации и сравнительном значении государственной и общественной помощи, об отноше-

Публичная лекция, читанная в пользу пострадавших от неурожая. Напечатана впервые в **Богословском Вестнике** 1892 г. I.

нии той и другой к частной благотворительности, о доставлении заработков нуждающимся, о деморализующем влиянии дарового пособия; на досуге, когда минует беда, и мы обо всем этом подумаем и поспорим. Но когда видишь, что человек тонет, первое движение — броситься к нему на помощь, не спрашивая, как и зачем он попал в воду и какое нравственное впечатление произведет на него наша помощь. При обсуждении участия, какое могут принять в деле помощи народу правительство, земство и общество, надобно разделять различные элементы и мотивы: экономическую политику, принимающую меры, чтобы вывести труд и хозяйство народа из неблагоприятных условий, и следствия помощи, могущие оказаться невыгодными с точки зрения полиции и общественной дисциплины, и возможность всяких злоупотреблений. Все это соображения, которые относятся к компетенции подлежащих ведомств, но которых можно не примешивать к благотворительности в собственном смысле. Нам, частным лицам, открыта только такая благотворительность, а она может руководиться лишь нравственным побуждением, чувством сострадания к страдающему. Лишь бы помочь ему остаться живым и здоровым, а если он дурно воспользуется нашей помощью, это его вина, которую, по миновании нужды, позаботятся исправить подлежащие власти и влияния.

Так понимали у нас частную благотворительность в старину; так, без сомнения, понимаем ее и мы, унаследовав путем исторического воспитания добрые понятия и навыки старины.

Древнерусское общество под руководством Церкви в продолжение веков прилежно училось пони-

мать и исполнять и вторую из двух основных заповедей, в которых заключаются весь закон и пророки, — заповедь о любви к ближнему. При общественной безурядице, при недостатке безопасности для слабого и защиты для обижаемого, практика этой заповеди направлялась преимущественно в одну сторону: любовь к ближнему полагали прежде всего в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась в основание практического нравоучения; потребность в этом подвиге воспитывалась всеми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики... Любить ближнего — это прежде всего накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице. Человеколюбие на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья; она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слезы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием. Древнерусский благотворитель, «христороубец», менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаванием во-имя Христова, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой:

нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. Вот почему древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую из руки в руку, притом «отай», тайком не только от стороннего глаза, но и от собственной «шуйцы». Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. «В рай входят святой милостыней, говорили в старину: нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Благотворителю нужно было воочию видеть людскую нужду, которую он облегчал, чтобы получить душевную пользу; нуждающийся должен был видеть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. Древнерусские цари накануне больших праздников, рано по утрам, делали тайные выходы в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавали милостыню арестантам и призреваемым, также посещали и отдельно живших убогих людей. Как трудно изучить и лечить болезнь по рисунку или манекену больного организма, так казалась малодействительной заочная милостыня. В силу того же взгляда на значение благотворительного дела нищенство считалось в древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при Церкви практическим институтом общественного благонаравия. Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирий и убогий, чтобы воспитать уметь и навык любить человека. Милостыня была дополнительным актом церковного богослужения,

практическим требованием правила, что вера без дел мертва. Как живое орудие душевного спасения, нищий нужен был древнерусскому человеку во все важные минуты его личной и семейной жизни, особенно в минуты печальные. Из него он создал идеальный образ, который он любил носить в мысли, как олицетворение своих лучших чувств и помышлений. Если бы чудодейственным актом законодательства или экономического прогресса и медицинского знания вдруг исчезли в древней Руси все нищие и убогие, кто знает, может быть, древне-русский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость, подобно человеку, оставшемуся без посоха, на который он привык опираться; у него оказался бы недочет в запасе средств его душевного домостроительства.

Трудно сказать, в какой степени такой взгляд на благотворительность содействовал улучшению древнерусского общежития. Никакими методами социологического изучения нельзя вычислить, какое количество добра вливал в людские отношения эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она приучала людей любить человека и отучала бедняка ненавидеть богатого. Явственнее и осязательнее обнаруживалось значение такой личной милостыни, когда нужда в благотворительной помощи вызывалась не горем отдельных несчастливых жизней, а народным физическим бедствием. Природа нашей страны издавна была доброй, но иногда бывала своенравной матерью своего народа, который, может быть, сам же и вызывал ее своенравие своим неуменьем обращаться с ней. Недороды и неурожаи были нередки в древней Руси. Недостаток экономи-

ческого общения и административной распорядительности превращал местные недоборы продовольствия в голодные бедствия.

Такое бедствие случилось в начале XVII в., при царе Борисе. В 1601 году, едва кончился весенний сев, полили страшные дожди и лили все лето. Полевые работы прекратились. Хлеб не вызрел, до августа нельзя было начать жатву, а на Успеньев день неожиданно ударил крепкий мороз и побил незревший хлеб, который почти весь остался в поле. Люди кормились остатками старого хлеба, а на следующий год посеялись кое-как собранным зяблым зерном нового урожая; но ничего не возшло, все осталось в земле и наступил трехлетний голод. Царь не жалел казны, щедро раздавал в Москве милостыню, предпринял обширные постройки, чтобы доставить заработок нуждающимся. Прослышав об этом народ толпами повалил в Москву из неурожайных провинций, чем усилил нужду в столице. Началась сильная смертность: только в трех казенных столичных скудельницах, куда царь велел подбирать бесприютные жертвы, за два года 4 месяца их насчитали 127 тыс. Но беда создана была в значительной мере искусственно. Хлеба оставалось довольно от прежних урожаев. После, когда самозванцы наводнили Русь шайками поляков и казаков, которые своими опустошениями прекратили посевы на обширных пространствах, этого запасного хлеба много лет хватало не только на своих, но и на врагов. При первых признаках неурожая начала разыгрываться хлебная спекуляция. Крупные землевладельцы заперли свои склады. Скупщики пустили все в оборот, деньги, утварь, дорогое платье, чтобы забрать

продажный хлеб. Те и другие не пускали ни зерна на рынок, выжидая высоких цен, радуясь, по выражению современника, барышам, «конца же вещи не разумеюще, сплетены смуты слагающе и народ смущающе». Хлебные цены были взбиты на страшную высоту: четверть ржи с 20 тогдашних копеек скоро поднялась до 6 р., равнявшихся нашим 60 р., т. е. вздорожала в 30 раз! Царь принимал строгие и решительные меры против зла, запретил винокурение и пивоварение, велел сыскивать скупщиков и бить кнутом на рынках нещадно, переписывать их запасы и продавать в розницу понемногу, предписывал обязательные цены и карал тяжкими штрафами тех, кто таил свои запасы.

Сохранившийся памятник вскрыл нам одну из частных благотворительных деятельностей, которые в то время работали внизу, на местах, когда царь боролся с народным бедствием наверху. Жила тогда в своем имении вдова-помещица, жена зажиточного провинциального дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина. Это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чем-нибудь стать выше окружающих. Она отличалась от других разве только тем, что жалость к бедному и убогому, — чувство, с которым русская женщина на свет родится, — в ней было тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнее, чем во многих других и, развиваясь от непрерывной практики, постепенно наполнила все ее существо, стала основным стимулом ее нравственной жизни, ежеминутным влечением ее вечно деятельного сердца. Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всех сиrot и немощных вдов в ее деревне, и часто до рассве-

та не гасла свеча в ее светлице. По выходе ее замуж свекровь поручила ей ведение домашнего хозяйства, и невестка оказалась умной и распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бедном и убогом не покидала ее среди домашних и семейных хлопот. Она глубоко усвоила себе христианскую заповедь о тайной милостыне. Бывало ушлиют ее мужа на царскую службу куда-нибудь в Астрахань года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокие вечера, она шила и пряла, рукоделье свое продавала и выручку тайком раздавала нищим, которые приходили к ней по ночам. Не считая себя в праве брать что-нибудь из домашних запасов без спроса у свекрови, она однажды прибегла даже к маленькому лукавству с благотворительной целью, о котором позволительно рассказать, потому что его не скрыл ее почтительный сын в биографии матери. Ульяна была очень умеренна в пище, только обедала, не завтракала и не полдничала, что очень тревожило свекровь, боявшуюся за здоровье молодой невестки. Случился на Руси один из нередких неурожаев, и в муромском краю наступил голод. Ульяна усилила обычную свою тайную милостыню и, нуждаясь в новых средствах, вдруг стала требовать себе полностью завтраков и полдников, которые, разумеется, шли в раздачу голодающим. Свекровь полушутливо заметила ей: что это подеялось с тобой, дочь моя? когда хлеба было вдоволь, тебя, бывало, не дозовешься ни к завтраку, ни к полднику, а теперь, когда всем стало есть нечего, у тебя какая охота к еде припала. — Пока не было у меня детей, — отвечала невестка, мне еда и на ум не шла, а как пошли ребята родиться, я отощала и никак не могу наесться, не только что днем,

но часто и ночью так и тянет к еде; только мне стыдно, матушка, просить у тебя. Свекровь осталась довольна объяснением своей доброй лгуни и позволила ей брать себе пищи, сколько захочется, и днем и ночью.

Эта постоянно возбужденная сострадательная любовь к ближнему, обижаемому жизнью, помогла Ульяне легко переступить через самые закоренелые общественные предрассудки древней Руси. Глубокая юридическая и нравственная пропасть лежала между древнерусским бариним и его холопом: последний был для первого по закону не лицом, а простою вещью. Следуя исконному туземному обычаю, а может быть, и греко-римскому праву, не вменявшему в преступление смерти раба от побоев господина, русское законодательство еще в XIV в. провозглашало, что если господин «огрешится», неудачным ударом убьет своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и ответственности. Церковь долго и напрасно вопияла против такого отношения к крепостным людям. Десятками наполняя дворы зажиточных землевладельцев, плохо одеваемая и всегда содержащая впроголодь, челядь составляла толпу домашних нищих, более жалких сравнительно с вольными публичными нищими. Древнерусская церковная проповедь так и указывала на них господам, как на ближайший предмет их сострадания, призывая их позаботиться о своих челядинцах прежде, чем протягивать руку с благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти. В усадьбе Ульяны было много челяди. Она ее хорошо кормила и одевала, не баловала, но щадила, не оставляла без дела, но задавала каждому работу по силам и не требовала

от нее личных услуг, что могла, все делала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды умыться. При этом она не позволяла себе обращаться к крепостным с кличками, какими душевладельческая Русь вплоть до самого 19 февраля 1861 года окрикивала своих людей: Ванька, Машка, но каждого и каждую называла настоящим именем. Кто, какие социальные теории научили ее, простую сельскую барыню XVI века, стать в такие прямые и обдуманые отношения к низшей подвластной братии?

Она была уже в преклонных годах, когда ее постигло последнее и самое тяжкое благотворительное испытание. Лукавый бес, добра ненавистник, давно уже суетившийся около этой досадной ему женщины и всегда ею посрамляемый, раз со злости пригрозил ей: погоди же! будешь ты у меня чужих кормить, когда я тебя самое на старости лет заставлю околевать с голоду. Такой добродушно-набожной комбинацией объяснено в биографии происхождение постигшей добрую женщину беды. Похоронив мужа, вырастив сыновей и поставив их на царскую службу, она уже помышляла о вечном устройении собственной души, но все еще тлела перед Богом любовью к ближнему, как тлеет перед образом догорающая восковая свечка. Нищелюбие не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствие она рассчитывала только на год, раздавая остальное нуждающимся. Бедный был для нее какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасыщаемым скопидомством все прятала да прятала все свои сбережения и излишки. Порой у нее в дому не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сы-

новой деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея уже под 60 лет, ходила всю зиму без шубы. Начало страшного голодного трехлетия при царе Борисе застало ее в нижегородской вотчине совсем неприготовленной. С полей своих она не собрала ни зерна, запасов не было, скот пал почти весь от бескормицы. Но она не упала духом, а бодро принялась за дело, распродала остаток скота, платье, посуду, все ценное в доме и на вырученные деньги покупала хлеб, который и раздавала голодающим, ни одного просящего не отпускала с пустыми руками и особенно заботилась о прокормлении своей челяди. Тогда многие расчетливые господа просто прогоняли с дворов своих холопов, чтобы не кормить их, но не давали им отпускных, чтобы после воротить их в неволю. Брошенные на произвол судьбы среди всеобщей паники, холопы принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своих челядинцев и удерживала их при себе, сколько было у ней силы. Наконец, она дошла до последней степени нищеты, обобрала себя дочиста, так что не в чем стало выйти в церковь. Выбившись из сил, израсходовав весь хлеб до последнего зерна, она объявила своей крепостной дворне, что кормить ее больше она не может, кто желает, пусть берет свои крепости или отпускные и идет с Богом на волю. Некоторые ушли от нее, и она проводила их с молитвой и благословением; но другие отказались от воли, объявили, что не пойдут, скорее умрут с своей госпожой, чем покинут ее. Она разослала своих верных слуг по лесам и полям собирать древесную кору и лебеду и принялась печь хлеб из этих суррогатов, которыми кормилась с детьми и холопа-

ми, даже ухитрялась делиться с нищими, « потому что в то время нищих было без числа », лаконически замечает ее биограф. Окрестные помещики с упреком говорили этим нищим : зачем это вы заходите к ней? чего взять с нее? она и сама помирает с голоду. — А мы вот что скажем, говорили нищие : много обошли мы сел, где нам подавали настоящий хлеб, да и он не елся нам так всласть, как хлеб этой вдовы — как бишь ее? Многие нищие не умели и назвать ее по-имени. Тогда соседи-помещики начали подсылать к Ульяне за ее диковинным хлебом; отведав его, они находили, что нищие были правы, и с удивлением говорили меж себя ; мастера же ее холопы хлебы печь! С какой любовью надобно было подавать нищему ломоть хлеба, не безукоризненного в химическом отношении, чтобы этот ломоть становился предметом поэтической легенды тотчас, как был съедател! Два года терпела она такую нищету и не опечалилась, не пороптала, не дала безумия Богу, не изнемогла от нищеты, напротив, была весела, как никогда прежде. Так заканчивает биограф свой рассказ о последнем подвиге матери. Она и умерла вскоре по окончании голода, в начале 1604 г. Предания нашего прошлого не сохранили нам более возвышенного и более трогательного образца благотворительной любви к ближнему.

Никто не сосчитал, ни один исторический памятник не записал, сколько было тогда Ульян в Русской земле и какое количество голодных слез утерли они своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тех и других, потому что Русская земля пережила те страшные годы, обманув ожидания своих врагов. Здесь частная благотворительность

шла навстречу усилиям государственной власти. Но не всегда так бывает. Частная благотворительность страдает некоторыми неудобствами. Обыкновенно она оказывает случайную и мимолетную помощь и часто не настоящей нужде. Она легко доступна злоупотреблению: вызываемая одним из самых глубоких и самых нерасчетливых чувств, какие только есть в нравственном запасе человеческого сердца, она не может следить за своими собственными следствиями. Она чиста в своем источнике, но легко поддается порче в своем течении. Здесь она против воли благотворителей и может разойтись с требованиями общественного блага и порядка. Петр Великий, усилившийся привести в производительное движение весь наличный запас рабочих сил своего народа, вооружился против праздного нищенства, питаемого частной милостыней. В 1705 г. он указал рассылать по Москве подъячих с солдатами и приставами ловить бродячих нищих и наказывать, деньги у них отбирать, милостыни им не подавать, а подающих хватать и подвергать штрафу; благотворители должны были доставлять свои подаяния в богадельни, существовавшие при церквях. Петр вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности, как учреждения, как системы богоугодных заведений. Общественная благотворительность имеет свои преимущества: уступая частной милостыне в энергии и качестве побуждений, в нравственно-воспитательном действии на обе стороны, она разборчивее и действительнее по своим практическим результатам оказывает нуждающемуся более надежную помощь, дает ему постоянный приют.

Мысль об общественной благотворительности, разумеется, с особенной силой возбуждалась во времена народных бедствий, когда количество добра требуется прежде, чем спрашивают о качестве побуждений добродетели. Так было в Смутное время. В 1609 г. второй самозванец осаждал Москву. Повторились явления Борисова времени. В столице наступил страшный голод. Хлеботорговцы устроили стачку, начали всюду скупать запасы и ничего не пускали на рынок, выжидая наибольшего подъема цен. За четверть ржи стали спрашивать 9 тогдашних рублей, т. е. свыше 100 раз на наши деньги. Царь Василий Шуйский приказал продавать хлеб по указной цене — торговцы не слушались. Он пустил в действие строгость законов — торговцы прекратили рискованный подвоз закупленного ими по провинциям хлеба в осажденную столицу. Мало того, по московским улицам и рынкам полилась из тысяч уст оппозиционная публицистика, начали говорить, что все беды, и вражий меч, и голод, падают на народ потому, что царь несчастлив. Тогда в московский Успенский собор созвано было небывалое народное собрание. Патриарх Гермоген сказал сильную проповедь о любви и милосердии; за ним сам царь произнес речь, умоляя кулаков не скупать хлеба, не поднимать цен. Но борьба обеих высших властей, церковной и государственной, с народной психологией и политической экономией была безуспешна. Тогда светлая мысль, одна из тех, какие часто приходят в голову добрым людям, осенила царя и патриарха. Древнерусский монастырь всегда был запасной житницей для нуждающихся, ибо церковное богатство, как говорили пастыри нашей церкви, нищих богатство. Жил тогда на Троицком подворье в

Москве келарь Троицкого Сергиева монастыря, отец Авраамий, обладавший значительными запасами хлеба. Царь и патриарх уговорили его выслать несколько сот четвертей на московский рынок по 2 р. за четверть. Это была больше психологическая, чем политико-экономическая операция: келарь выбросил на рынок многолюдной столицы всего только 200 мер ржи; но цель была достигнута. Торговцы испугались, когда пошел слух, что на рынок тронулись все хлебные запасы этого богача-монастыря, считавшиеся неисчерпаемыми, и цена хлеба надолго упала до 2 рублей. Через несколько времени Авраамий повторил эту операцию с таким же количеством хлеба и с прежним успехом.

На долю XVII-го века выпало печальное преимущество тяжелым опытом понять и оценить всю важность поставленного еще на Стоглавом соборе вопроса об общественной благотворительности, как вопроса законодательства и управления, и перенести его из круга действия личного нравственного чувства в область общественного благоустройства. Тяжелые испытания привели к мысли, что государственная власть своевременными мерами может ослабить или предотвратить бедствия нуждающихся масс и даже направить частную благотворительность. В 1654 г. началась и при очень неблагоприятных условиях продолжалась война с Польшей за Малороссию. Эпидемия опустошила деревни и села и уменьшила производство хлеба. Падение курса выпущенных в 1656 г. кредитных медных денег с номинальной стоимостью серебряных усилило дороговизну: цена хлеба, с начала войны удвоившаяся, к началу 1660-х годов в иных местах поднялась до 30-40 руб. за чет-

верть ржи на наши деньги. В 1660 г. сведущие люди из московского купечества, призванные для совещания с боярами о причинах дороговизны и о средствах ее устранения, между прочим указали на чрезвычайное развитие винокурения и пивоварения и предложили прекратить продажу вина в питейных заведениях, закрыть винные заводы, также принять меры против скупки хлеба и не допускать скупщиков и кулаков на хлебные рынки раньше полудня, наконец, переписать запасы хлеба, заготовленные скупщиками, перевезти их в Москву на казенный счет и продавать здесь бедным людям, а скупщикам заплатить из казны по их цене деньгами. Как только тяжесть положения заставила вдуматься в механизм народно-хозяйственного оборота, тотчас живо почувствовалось, что может сделать государственная власть для устранения возникающих в нем замешательств.

В эти тяжелые годы стоял близко к царю человек, который добрым примером показал, как можно соединить частную благотворительность с общественной и на чувстве личного сострадания построить устойчивую систему благотворительных учреждений. Это был Ф. М. Ртицев, ближний постельничий, как бы сказать обер-гофмейстер при дворе царя Алексея Михайловича, а потом его дворецкий, т. е. министр двора. Этот человек — одно из лучших воспоминаний, завещанных нам древнерусской стариной. Один из первых насадителей научного образования в Москве XVII века, он принадлежал к числу крупных государственных умов Алексеева времени, столь обильного крупными умами. Ему приписывали и мысль упомянутой кредитной операции с медными

деньгами, представлявшей небывалую новость в тогдашней финансовой политике, и не его вина, если опыт кончился неблагоприятно. Много занятый по службе, пользуясь полным доверием царя и царицы и большим уважением придворного общества, воспитатель царевича Алексея, Ртищев поставил задачей своей частной жизни служение страждущему и нуждающемуся человечеству. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца, а его взгляд на себя и на ближнего сообщал этой потребности характер ответственного, но непритязательного нравственного долга. Ртищев принадлежал к числу тех редких и немного странных людей, у которых совсем нет самлюбия, по крайней мере, в простом ходячем смысле этого слова. Наперекор природным инстинктам и исконным людским привычкам в заповеди Христовой любить ближнего своего, как самого себя, он считал себя способным исполнять только первую часть : он и самого себя любил только для ближнего, считая себя самым последним из своих ближних, о котором не грешно подумать разве только тогда, когда уже не о ком больше думать — совершенно евангельский человек, правая щека которого сама собою без хвастовства и расчета подставлялась ударившему по левой, как-будто это было требованием физического закона или светского приличия, а не подвигом смирения. Ртищев не понимал обиды, как иные не знают вкуса в вине, не считая этого за воздержание, а просто не понимая, как это можно пить такую неприятную и бесполезную вещь. Своему обидчику он первый шел навстречу с просьбой о прощении и примирении. С высоты своего общественного положения он не умел скользить высокомерным взглядом поверх

людских голов, останавливаясь на них лишь для того, чтобы сосчитать их. Человек не был для него только счетной единицей, особенно человек бедный и страждущий. Высокое положение только расширило, как бы сказать, пространство его человеколюбия, дав ему возможность видеть, сколько живет на свете людей, которым надо помочь, и его сострадательное чувство не довольствовалось помощью первому встречному страданию. С высоты древнерусского сострадания личному, конкретному горю, вот тому или этому несчастному человеку, Ртищев умел подняться до способности соболезновать людскому несчастью, как общему злу, и бороться с ним, как с своим личным бедствием. Потому случайные и прерывистые вызовы личной благотворительности он хотел превратить в постоянно действующую общественную организацию, которая подбирала бы массы тружущихся и обремененных, облегчая им несение тяжелой повинности жизни. Впечатления польской войны могли только укрепить эту мысль. Сам царь двинулся в поход, и Ртищев сопровождал его, как начальник его походной квартиры. Находясь по должности в тылу армии. Ртищев видел ужасы, какие оставляет после себя война и которых обыкновенно не замечают сами воюющие — те, которые становятся их первыми жертвами. Тыл армии — тяжкое испытание и лучшая школа человеколюбия: тот уже неотступно полюбит человека, кто с перевязочной линии не унесет ненависти к людям. Ртищев взглянул на обратительную работу войны, как на жатву своего сердца, как на печально-обильный благотворительный урожай. Он страдал ногами, и ему трудно было ездить верхом. По дороге он кучами подбирал в свой

экипаж больных, раненых, избитых и разоренных, так что иногда и ему не оставалось места и, пересев на коня, он плелся за своим импровизованным походным лазаретом до ближнего города, где тотчас нанимал дом, куда, сам кряхтя от боли, сваливал свою охающую и стонущую братию, устраивал ее содержание и уход за ней и даже неизвестно каким образом набирал врачебный персонал, « назиратаев и врачей им и кормителей устраивае, во упокоение их и врачевание от имени своего им изнуряя », как вычурно замечает его биограф. Так обер-гофмейстер двора Его Величества сам собою превратился в начальника Красного Креста, им же и устроенного на собственные средства. Впрочем, в этом деле у него была тайная денежная и сердечная пособница, которую выдал истории тот же болтливый биограф. В своем молчаливом кармане Ртищев вез на войну значительную сумму, тихонько сунутую ему царицей Марией Ильиничной, и биограф нескромным намеком дает понять, что перед походом они уговорились принимать в задуманные ими временные военные госпитали даже пленных врагов, нуждавшихся в госпитальной помощи. Надобно до земли поклониться памяти этих людей, которые безмолвной экзегетикой своих дел учат нас понимать слова Христа: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас. Подобные дела повторились и в ливонском походе царя, когда в 1656 г. началась война с Швецией.

Можно думать, что походные наблюдения и впечатления не остались без влияния на план общественной благотворительности, составившийся в уме Ртищева. Этот план рассчитан был на самые большие

язвы тогдашней русской жизни. Прежде всего крымские татары в XVI и XVII вв. сделали себе прибыльный промысел из разбойничьих нападений на Русскую землю, где они тысячами и десятками тысяч забирали пленных, которых продавали в Турцию и другие страны. Чтобы спасти и воротить домой этих пленных, московское правительство устроило их выкуп на казенный счет, для чего ввело особый общий налог, полонянничные деньги. Этот выкуп назывался «общей милостыней», в которой все должны были участвовать: и царь, и все «православные христиане», его подданные. По соглашению с разбойниками были установлены порядок привода пленного товара и тариф, по которому он выкупался, смотря по общественному положению пленников. Выкупные ставки во времена Ртищева были довольно высоки: за людей, стоявших в самом низу тогдашнего общества, за крестьян и холопов, назначено было казенного окупа около 250 р. на наши деньги за человека; за людей высших классов платили тысячи. Но государственное воспособление выкупу было недостаточно. Насмотревшись во время походов на страдания пленных, Ртищев вошел в соглашение с жившим в России купцом греком, который, ведя дела с магометанским востоком, на свой счет выкупал много пленных христиан. Этому доброму человеку Ртищев передал капитал в 17 тыс. рублей на наши деньги, к которому грек, принявший на себя операцию выкупа, присоединил свой вклад, и таким образом составила своего рода благотворительная компания для выкупа русских пленных у татар. Но верный уговору с царицей, Ртищев не забывал и иноземцев, которых плен забрасывал в Россию, облегчал их

тяжелое положение своим ходатайством и милостыней.

Московская немощеная улица XVII в. была очень неопрятна : среди грязи несчастье, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаении, пьяные валялись на земле. Ртищев составил команду рассыльных, которые подбирали этот люд с улиц в особый дом, устроенный им на свой счет, где больных лечили, а пьяных вытрезвляли и потом, снабдив необходимым, отпускали, заменяя их новыми пациентами. Для престарелых, слепых и других калек, страдавших неизлечимыми недугами, Ртищев купил другой дом, тратя на их содержание свои последние доходы. Этот дом под именем Больницы Федора Ртищева существовал и после его смерти, поддерживаемый добротными даяниями. Так Ртищев образовал два типа благотворительных заведений : амбулаторный приют для нуждающихся во временной помощи и постоянное убежище-богадельню для людей, которых человеколюбие должно было взять на свои руки до их смерти. Но он прислушивался к людской нужде и вне Москвы и здесь продолжал дело своей предшественницы Иулиании Осорьиной : кстати сказать, и его мать звали Ульяной. Случился голод в Вологодском краю. Местный архиепископ помогал голодающим, сколько мог. Ртищев, растратив деньги на свои московские заведения, продал все свое лишнее платье, всю лишнюю домашнюю утварь, которой у него, богатого барина, было множество, и послал вырученные деньги вологодскому владыке, который, прибавив к пожертвованию и свою малую толику, прокормил много бедного народа.

С осторожным и глубоко сострадательным вниманием останавливался Ртищев перед новым родом людей, нуждавшихся в сострадательном внимании, который во времена Иулиании только зарождался : в XVII в. сложилось крепостное состояние крестьян. Личная свобода крестьян была одною из тех жертв, какие наше государство в XVII в. было вынуждено принести в борьбе за свою целость и внешнюю безопасность. Биограф Ртищева только двумя-тремя чертами обозначил его отношение к этому новому поприщу благотворения, но чертами, трогаящими до глубины души. Будучи крупным землевладельцем, он однажды должен был, нуждаясь в деньгах, продать свое село Ильинское. Сторговавшись с покупщиком, он сам добровольно уменьшил условленную цену, но при этом подвел нового владельца к образу и заставил его побожиться, что он не увеличит человеколюбиво рассчитанных повинностей, какие отбывали крестьяне села в пользу прежнего барина — необычная и немного странная форма словесного векселя, взятого на совесть векселедателя. Поддерживая щедрыми ссудами инвентарь своих крестьян, он больше всего боялся расстроить это хозяйство непосильными оброками и барщинными работами и недовольно хмурил брови всякий раз, когда в отчетах управляющих замечал приращение барского дохода. Известно, как заботился древнерусский человек о загробном устройении своей души помощью вкладов, погребальной молитвы и поминовения. Вотчины свои Ртищев завещал своей дочери и зятю кн. Одоевскому. Он приказал наследникам отпустить всех своих дворовых на волю. Тогда законодательство еще не выработало порядка увольнения крепостных крестьян с

землей целыми обществами. « Вот как устройте мою душу, говорил Ртищев перед смертью зятю и дочери : в память по мне будьте добры к моим мужикам, которых я укрепил за вами, владейте ими льготно, не требуйте от них работ и оброков свыше силы — возможности, потому что они нам братья; это моя последняя и самая большая к вам просьба ». Ртищев умел сострадать положению целых обществ или учреждений, как страдают горю отдельных лиц. Мы все помним прекрасный рассказ, читанный нами еще на школьной скамье в учебнике. Под Арзамасом у Ртищева была земля, за которую ему давали частные покупатели до 17 тыс. рублей на наши деньги. Но он знал, что земля до зарезу нужна арзамасцам, и предложил городу купить ее хотя бы за пониженную цену. Но городское общество было так бедно, что не могло заплатить сколько-нибудь приличной цены, и не знало, что делать. Ртищев подарил ему землю.

Современники, наблюдавшие двор царя Алексея, свои и чужие, оставили очень мало известий о министре этого двора Ртищеве. Один иностранный посол, приезжавший тогда в Москву, отзывался о нем, что, едва имея 40 лет от роду, он превосходил благоразумием многих стариков. Ртищев не выставлялся вперед. Это был один из тех скромных людей, которые не любят идти в первых рядах, но оставаясь назади и высоко поднимая светочи над головами, освещают путь передовым людям. Особенно трудно было уследить за его благотворительной деятельностью. Но его понимали и помнили среди низшей братии, за которую он положил свою душу. Его биограф, описывая его смерть, передает очень наивный рассказ. Ртищев умер в 1673 г. всего 47 лет от роду. За два дня до его

смерти жившая у него в доме девочка лет 12, которую он привечал за ее кроткий нрав, помолившись, как было заведено в этом доме, улеглась спать и, задремав, видит : сидит ее больной хозяин, такой веселый да нарядный, а на голове у него точно венец. Вдруг, откуда ни возьмись, подходит к нему молодец, тоже нарядно одетый, и говорит : « зовет тебя царевич Алексей », а этот царевич, воспитанник Ртищева, тогда был уже покойником. — Погоди немного, нельзя еще, — отвечал хозяин. Молодец ушел. Скоро пришли двое других таких же и опять говорят : « зовет тебя царевич Алексей ». Хозяин встал и пошел, а за ноги его уцепились две малютки, дочь его да племянница, и не хотят отстать от него. Он отстранил их, сказав : « отойдите, не то возьму вас с собой ». Вышел хозяин из палаты, а тут перед ним очутилась лестница от земли до самого неба, и полез он по этой лестнице, а там на выси небесной объявился юноша с золотыми крылышками, протянул хозяину руку и подхватил его. В этом сне девочки, рассказанном в девичьей Ртищева, отлились все благодарные слезы бедных людей, утертые хозяином. Много рассказывали и про самую смерть его. В последние минуты, уже совсем приготовившись, он позвал к себе в спальню нищих, чтобы из своих рук раздать им последнюю милостыню, потом прилег и забылся. Вдруг его угасавшие глаза засветились, точно озаренные каким-то видением, лицо оживилось, и он весело улыбнулся : с таким видом он и замер. Всю жизнь страдать, благотворить и умереть с веселой улыбкой — вполне заслуженный конец такой жизни.

Не осталось известий о том, нашло ли отголосок в землевладельческом обществе отношение Рти-

щеза к крепостным крестьянам; но его благотворительная деятельность, повидимому, не осталась без влияния на законодательство. Добрые идеи, поддержанные добрыми проводниками и примерами, легко облекаются в плоть и кровь своего рода, в обычаи, законы, учреждения. Нерасчетливая частная благотворительность древней Руси вскормила ремесло нищенства, стала средством питания праздности и сама нередко превращалась в холодное исполнение церковного приличия, в раздачу копеечек просящим вместо помощи нуждающимся. Милостивцы, подобные Иулиани и Ртищеву, восстанавливали истинное христианское значение милостыни, источник которой — теплое сострадательное чувство, а цель — уничтожение нужды, нищеты, страдания. В этом же направлении после Ртищева начинает действовать и законодательство. Со времени Алексеева преемника идет длинный ряд указов против праздного ремесленного нищенства и частной ручной милостыни. С другой стороны, государственная власть подает руку церковной для дружной работы над устройством благотворительных заведений. При царе Феодоре Алексеевиче произвели разборку московских нищих : действительно беспомощных велено содержать на казенный счет в особом приюте, а здоровым лентяям дать работу, может быть, в задуманных тогда же рабочих домах. Предположено было построить в Москве два благотворительных заведения, больницу и богадельню для болящих, бродящих и лежащих по улицам нищих, чтобы они там не бродили и не валялись : повидимому, предполагались заведения, подобные тем, какие устроены были Ртищевым. На церковном соборе 1681 г. царь предложил патриарху и

архиереям устроить такие же убежища для нищих и в провинциальных городах, и собор принял предложение. Так частный почин доброго и влиятельного человека дал прямой или косвенный толчок мысли об устройстве целой системы церковно-государственных благотворительных заведений и не только оживил, без сомнения, усердие доброхотных дателей к доброму делу, но и подсказал самую его организацию, желательные и возможные формы, в которые оно должно было облечься.

Тем ведь и дорога память этих добрых людей, что их пример в трудные минуты не только ободряет к действию, но и учит, как действовать. Иулиания и Ртищев — это образцы русской благотворительности. Одинаковое чувство подсказывало им различные способы действия, сообразные с положением каждого. Одна благотворила больше дома, в своем тесном сельском кругу; другой действовал преимущественно на широкой столичной площади и улице. Для одной благодеяние было выражением личного сострадания; другой хотел превратить его в организованное общественное человеколюбие. Но идя различными путями, оба шли к одной цели; не теряя из вида нравственно-воспитательного значения благотворительности, они смотрели на нее, как на непрерывную борьбу с людской нуждой, с горем беспомощного ближнего. Они и им подобные воспитатели и пронесли этот взгляд через ряд веков, и он доселе живет в нашем обществе, деятельно обнаруживаясь всякий раз, когда это нужно. Сколько Ульян незаметно и без шума ведет теперь эту борьбу по захолустьям пораженных нуждой местностей! Есть, без сомнения, и Ртищевы, и они не переведутся. По завету их жиз-

ни будут действовать даже тогда, когда их самих забудут. Из своей исторической дали они не перестанут светить, подобно маякам среди ночной мглы, освещая нам путь и не нуждаясь в собственном свете. А завет их жизни таков : жить значит любить ближнего, т. е. помогать ему жить; больше ничего не значит жить и больше не для чего жить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Содействие Церкви успехам русского гражданского права и порядка	7
Добрые люди древней Руси	41
Значение преподобного Сергия для русского народа и государства	61

БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Под общей редакцией Н. А. Струве

Цель Библиотеки дать современному читателю доступ к выдающимся произведениям русской религиозно-философской мысли, ставшим библиографической редкостью.

В виду того, что разные издательства посвятили себя той же задаче, мы предполагаем в первую очередь издавать сборники статей, разбросанных в периодических изданиях, объединяя их по авторам или по темам.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ :

1. Кн. Е. Трубецкой, **Умозрение в красках** (три очерка о русской иконе), 165 стр.
2. **Из Глубины**, сборник статей о русской революции, Москва 1918, 332 стр. (с предисловиями Н. Полторацкого и Н. Струве).
3. В. О. Ключевский, **Церковь и Россия** (три лекции).

Готовятся к печати :

4. **О Пушкине**, сборник статей С. Булгакова, П. Струве и др.
5. В. Ф. Эрн, **Верховное постижение Платона** и др. статьи.
6. М. А. Новоселов, **Опытное богопознание** и др. статьи.